

Октябрь 1911 г.



ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ,

3-й годъ изданія,

ХОРОВОЕ и РЕГЕНТСКОЕ ДѢЛО.

С.-Петербургъ, Мойка 20, кв. 3.

Кромѣ 12 тетрадей текста (in 8^о отъ 16 до 32 стр. каждая) подписчики втеченіи года получаютъ не менѣе шести №№ музыкальныхъ приложений—духовныхъ и свѣтскихъ хоровъ современныхъ композиторовъ.

Журналъ посвященъ вопросамъ церковнаго и свѣтскаго хорового пѣнія.

Программа журнала и составъ сотрудниковъ остаются прежними.

Подписная цѣна на журналъ со всѣми приложениями

2 руб. 50 коп. въ годъ.

съ доставкой и пересылкой. Разсрочка не допускается.

Подписка принимается во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ, причемъ за пересылку подписныхъ денегъ особой платы не взимается.

Адресъ редакціи: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Мойка 20, кв. 3.

Подписавшіеся на 1911 годъ могутъ получить журналъ за 1906 и 1910 г. по внесеніи въ редакцію только 4 руб. Эти первые два года изданія заключаютъ въ себѣ болѣе 600 стр. текста и до 20 отд. №№ музыкальныхъ приложений.



Получилъ ЗОЛОТУЮ МЕДАЛЬ

за всероссійскую выставку „МУЗЫКАЛЬНЫЙ МІРЪ“ 1906-07 г.

А. И. ГЕРГЕНСЪ.

Бывшій Техникъ Придворной Фортепiанной Фабрики К. Бехштейнъ въ Берлинѣ.

Собственныя издѣлія признаны Императорской Консерваторіей и другими мѣстными авторитетами.

МАГАЗИНЪ РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО собственной и заграничныхъ фабрикъ.



Инструменты фабрики А. И. Гергенсъ приобрѣтены СПБ. Консерваторіей, Придвор.-Пѣвческой Капеллой, Регентск. Училищемъ и Музык.

Школой учреж. С. В. Смоленскимъ.

Магазинъ и Контора: Пет. Стор., Большой пр., № 29. Тел. 296-79 (Уголь Введенской ул.).

Фабрика: Пет. Стор., Малая Бѣлозерская, 7. ☐ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

„ХОРОВОЕ И РЕГЕНТСКОЕ ДѢЛО“

№ 10.

Октябрь.

1911 г.

Рукописи, присылаемые въ Редакцію должны быть подписаны авторомъ, съ указаніемъ точнаго адреса. Рукописи безъ обозначенія размѣра гонорара считаются бесплатными. На отвѣтъ и обратную пересылку рукописей просить прилагать почт. марки.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ размѣрѣ 16—32 стр. in 8°. За годъ подписчики получаютъ не менѣе шести №№ муз. приложений. Цѣна 2 р. 50 к. съ дост. и пер. Разсрочка не допускается. За перемѣну адреса 25 коп. Адресъ редакціи С.-Петербургъ, Мойка 20, кв. 3.

Къ XXV-лѣтію Московскаго Синодальнаго Училища церковнаго пѣнія.

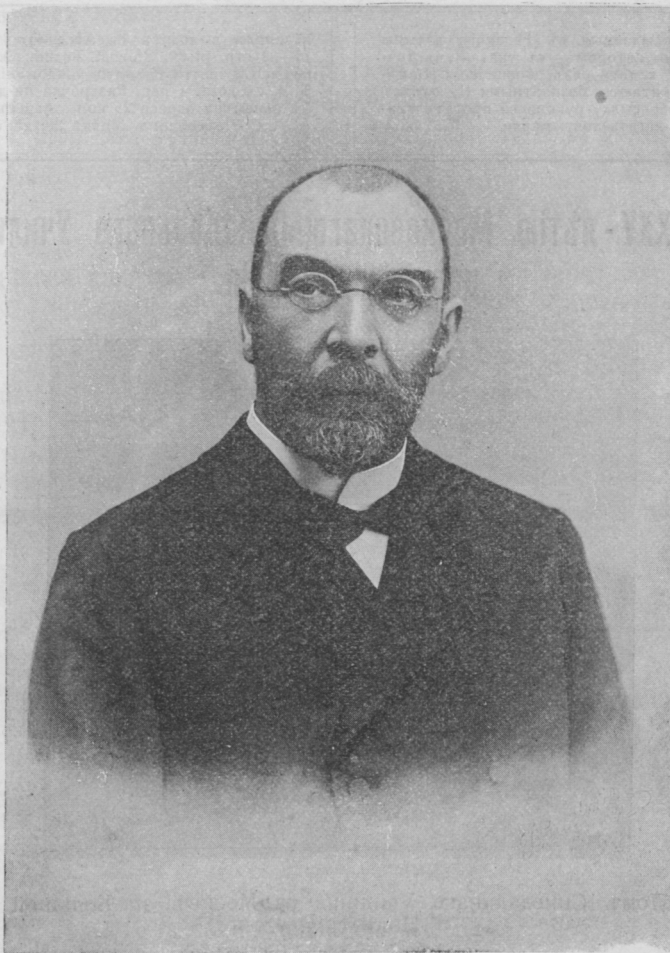


Домъ Синодальнаго Училища въ Москвѣ, на Большой Никитской ул.

Въ текущемъ году исполняется двадцатипятилѣтіе духовно—музыкальной дѣятельности Московскаго Синодальнаго Училища церковнаго пѣнія.

Юбилейное празднество состоится въ Москвѣ въ помѣщеніи Училища 5 и 6 ноября по печатаемой ниже программѣ.

Въ настоящемъ № Редакція помѣщаетъ снимокъ Училищнаго зданія и портреты трехъ виднѣйшихъ директоровъ Училища за двадцатипятилѣтній періодъ существованія Училища. Историческій очеркъ, итоги дѣятельности Училища за этотъ періодъ и подробности празднованія будутъ напечатаны въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ.



С. В. Смоленскій.
1848—1909 г.

Л. Н. Толстой—учитель пѣнія *).

Не будь у меня взгляда, состоящаго въ томъ, что я не знаю, чему и почему нужно учить тому или другому, я долженъ былъ бы спросить у самого себя: полезно ли будетъ для крестьянскихъ дѣтей,



В. С. Орловъ.

поставленныхъ въ необходимость прожить всю жизнь въ заботахъ о насущномъ хлѣбѣ, полезно ли будетъ для нихъ и къ чему имъ искусства? ^{66/100} на этотъ вопросъ отвѣтятъ и отвѣчаютъ отрицательно. И нельзя отвѣтить иначе. Какъ скоро поставленъ такой вопросъ, здравый смыслъ требуетъ такого отвѣта: ему не быть художникомъ, ему надо пахать. Если у него будутъ художественныя потребности, онъ не въ силахъ будетъ нести ту упорную, безустальную работу, которую ему надобно нести, которой ежели бы онъ не несъ, немислимо бы было существованіе государства. Говоря онъ, я разумѣю дитя народа. Дѣйствительно, это безсмыслица; но я радуюсь этой безсмыслицѣ, не останавливаюсь передъ ней, а стараюсь найти причины ея. Есть другая, болѣе сильная безсмыслица. Это самое дитя народа, каждое дитя народа, имѣетъ точно такія же права — что я, говорю?—еще большія права на наслажденіе искусствомъ, чѣмъ мы, дѣти счастливаго сословія, не поставленные въ необходимость того безустальнаго труда, окруженные всѣми удобствами жизни.



А. Д. Кастальскій, род. 1856 г.

*) Статья заимствована изъ отчета Ясно-Полянской школы за 1862 г.

Лишить его права наслажденія искусствомъ, лишить меня, учителя, права вести его въ ту область лучшихъ наслажденій, въ которую всѣми силами души просится все его существо, — еще большая безсмыслица. Какъ примирить эти двѣ безсмыслицы? Это не лиризмъ, въ чемъ упрекали меня по случаю описанія прогулки въ № 1, это только логика. Всякое примиреніе невозможно и есть только самобманываніе, скажутъ и говорятъ: если ужъ нужно рисованіе въ народной школѣ, то можно допустить только рисованіе съ натуры, техническое, приложимое къ жизни: рисованіе сохи, машины, постройки, — рисованіе только какъ вспомогательное искусство для черченія. Такой обыкновенный взглядъ на рисованіе раздѣляетъ и учитель Ясно-Полянской школы, отчетъ котораго мы представляемъ. Но именно опытъ такого преподаванія рисованія убѣдилъ насъ въ ложности и несправедливости этой технической программы. Большинство учениковъ послѣ 4-хъ мѣсяцевъ осторожнаго, исключительно технического рисованія, въ которомъ исключительно было всякое срисовываніе людей, животныхъ, пейзажей, кончило тѣмъ, что значительно охладѣло къ рисованію техническихъ предметовъ и до такой степени развило въ себѣ чувство и потребность къ рисованію, какъ искусству, что завело свои потаенныя тетрадки, въ которыхъ рисуетъ людей, лошадей со всѣми четырьмя ногами, выходящими изъ одного мѣста. То же самое въ музыкѣ.

Обыкновенная программа народныхъ школъ не допускаетъ пѣнія далѣе хорового, церковного, и точно такъ же или это есть самое скучное, мучительное для дѣтей заучиваніе — производить извѣстные звуки, т. е. что дѣти дѣлаются и разсматриваются какъ горла, замѣняющія трубочки органа, или развивается чувство изящнаго, находящее удовлетвореніе въ балалайкѣ, гармоникѣ и часто безобразной пѣснѣ, которыхъ не признаетъ педагогъ и въ которыхъ не считаетъ уже нужнымъ руководить учениковъ. Одно изъ двухъ: или искусства вообще вредны, или не нужны, что совсѣмъ не такъ странно, какъ кажется съ перваго взгляда, или каждый, безъ различія сословій и занятій имѣетъ на него право и право вполне отдаться ему на томъ основаніи, что искусство не терпитъ посредственности.

Безсмыслица не въ томъ, — безсмыслица въ самомъ постановленіи такого вопроса, какъ, вопросъ: имѣютъ ли дѣти народа право на искусства? Спросить это — точно то же, что спросить: имѣютъ ли право дѣти народа ѣсть говядину, т. е. имѣютъ ли право удовлетворить свою человѣческую потребность? Вопросъ не въ томъ, а въ томъ, хороша ли та говядина, которую мы предлагаемъ и которую мы запрещаемъ народу. Точно такъ же, какъ предлагая народу извѣстныя знанія, въ нашей власти находящіяся, и замѣчая дурное влія-

ніе, производимое ими на него, я заключаю не то, что народъ дурень оттого, что не принимаетъ этихъ знаній, не то, что народъ не доросъ до того, чтобы воспринять и пользоваться этими знаніями такъ же, какъ и мы, не то, что знанія эти нехороши, ненормальны и что намъ надо съ помощью народа новыя, соотвѣтственныя всѣмъ намъ—и обществу, и народу—знанія. Я заключаю только, что знанія эти и искусства живутъ среди насъ и кажутся невинными намъ, но не могутъ жить среди народа и кажутся вредными для него только потому, что эти знанія и искусства не тѣ, которыя нужны вообще а что мы живемъ среди нихъ потому только, что мы испорчены, потому только, что безвредно сидящіе пять часовъ въ зараженномъ воздухѣ фабрики или трактира не страдаютъ отъ того самаго воздуха который убиваетъ вновь пришедшаго свѣжаго человѣка.

Скажутъ: кто сказалъ, что знанія искусства нашего образованнаго сословія ложны? Почему изъ того, что народъ не воспринимаетъ ихъ, вы заключаете о ихъ ложности? Всѣ вопросы разрѣшаются весьма просто: *потому что насъ тысячи, а ихъ миллионы.*

Продолжаю сравненіе съ извѣстнымъ фізіологическимъ фактомъ. Человѣкъ со свѣжаго воздуха приходитъ въ накуренную, надышенную, низкую комнату; всѣ жизненныя отправленія его еще полны, организмъ его посредствомъ дыханія питался большимъ количествомъ кислорода, который онъ бралъ изъ чистаго воздуха. Съ тою же привычкой организма онъ начинаетъ дышать въ зараженной комнатѣ; вредные газы сообщаются крови въ большомъ количествѣ, организмъ ослабѣваетъ (часто дѣлается обморокъ, иногда смерть); между тѣмъ, какъ сотни людей продолжаютъ дышать и жить въ томъ же зараженномъ воздухѣ только потому, что всѣ отправленія ихъ сдѣлались незначительнѣе, что они, другими словами, слабѣе, меньше живутъ.

Ежели мнѣ скажутъ: живутъ какъ тѣ, такъ и другіе люди, и кто рѣшить, чья жизнь нормальнѣе и лучше; какъ съ человѣкомъ, выходящимъ изъ зараженной атмосферы на чистый воздухъ, дѣлается часто обморокъ, такъ и наоборотъ. Отвѣтъ легокъ: не фізіологъ, а простой человѣкъ съ здравымъ смысломъ скажетъ только: гдѣ больше живетъ людей—на чистомъ воздухѣ или въ зараженныхъ тюрьмахъ? и послѣдуетъ большинству; а фізіологъ сдѣлаетъ наблюденія надъ количествомъ отправленій того и другого и скажетъ, что отправленія сильнѣе и питаніе полнѣе у того, кто живетъ на чистомъ воздухѣ.

То же самое отношеніе существуетъ между искусствами такъ называемаго образованнаго общества и между требованіями искусства народа: я говорю и о живописи, и о ваяніи, и о музыкѣ, и о поэзіи. Картина Иванова возбудитъ въ народѣ только удивленіе предъ техническимъ мастерствомъ, но не возбудитъ никакого ни поэтическаго,

ни религіознаго чувства, тогда какъ это самое поэтическое чувство возбуждено лубочною картиною Іоанна Новгородскаго и чорта въ кувшинѣ *). Венера Милосская возбудитъ только законное отвращеніе предъ наготой, предъ безстыдствомъ женщины. Квартетъ Бетховена послѣдней эпохи представится непріятнымъ шумомъ, интереснымъ развѣ только потому, что одинъ играетъ на большой, а другой на маленькой скрипкѣ. Лучшее произведеніе нашей поэзіи, лирическое стихотвореніе Пушкина, представится наборомъ словъ, а смыслъ его — презрѣнными пустяками. Введите дитя народа въ этотъ міръ — вы это можете сдѣлать и постоянно дѣлаете посредствомъ іерархіи учебныхъ заведеній, академій и художественныхъ классовъ — онъ прочувствуетъ, и прочувствуетъ искренно, и картину Иванова, и Венеру Милосскую, и квартетъ Бетховена, и лирическое стихотвореніе Пушкина. Но, войдя въ этотъ міръ, онъ будетъ дышать уже не всѣми легкими, уже его болѣзненно и враждебно будетъ охватывать свѣжій воздухъ, когда ему случится вновь выйти на него. Какъ въ дѣлѣ дыханія здравый смыслъ и фізіологія отвѣтятъ одно и то же, такъ и въ дѣлѣ искусствъ тотъ же здравый смыслъ и педагогія (не та педагогія, которая пишетъ программы, но та, которая пытается изучить общіе пути образованія и законы) отвѣтятъ, что живетъ лучше и полнѣе тотъ, кто не живетъ въ сферѣ искусствъ нашего образованнаго класса, что требованія отъ искусства и удовлетвореніе, которое даетъ оно, полнѣе и законнѣе въ народѣ, чѣмъ у насъ. Здравый смыслъ скажетъ это только потому, что онъ видитъ могущественное не однимъ количествомъ и счастливое большинство, живущее внѣ этой среды; педагогъ сдѣлаетъ наблюденіе надъ душевными отправлениями людей, находящихся въ нашей средѣ и внѣ ея, сдѣлаетъ наблюденіе при введеніи людей въ зараженную комнату, то-есть при передачѣ молодымъ поколѣніямъ нашихъ искусствъ, и на основаніи тѣхъ обмороковъ, того отвращенія, которое проявляютъ свѣжія натуры при введеніи ихъ въ искусственную атмосферу, на основаніи ихъ ограниченности духовныхъ отравленій, заключить, что требованія народа отъ искусства законнѣе требованій испорченнаго меньшенства такъ называемаго образованнаго класса.

Я дѣлалъ эти наблюденія относительно двухъ отраслей нашихъ искусствъ, болѣе мнѣ знакомыхъ и нѣкогда мною любимыхъ, — музыки и поэзіи. И страшно сказать: я пришелъ къ убѣжденію, что все, что мы сдѣлали по этимъ двумъ отраслямъ, все сдѣлано по ложному,

*) Мы просимъ читателя обратить вниманіе на эту уродливую картинку, замѣчательную по силѣ религіозно-поэтическаго чувства, относящуюся къ современной русской живописи такъ, какъ относится живопись Fra Beato Angelico къ живописи послѣдователей Микель-Анджеловской школы.

исключительному пути, не имѣющему значенія, не имѣющему будущности и ничтожному въ сравненіи съ тѣми требованіями и даже произведеніями тѣхъ же искусствъ, образчики которыхъ мы находимъ въ народѣ. Я убѣдился, что лирическое стихотвореніе, какъ, напри- мѣръ, «Я помню чудное мгновеніе», произведенія музыки, какъ послѣдняя симфонія Бетховена, не такъ безусловно и всемірно хороши, какъ пѣсня о «Ванькѣ Ключникѣ» и напѣвъ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»; что Пушкинъ и Бетховенъ нравятся намъ не потому, что въ нихъ есть абсолютная красота, но потому, что мы такъ же испорчены, какъ Пушкинъ и Бетховенъ, потому что Пушкинъ и Бетховенъ одинаково льстятъ нашей уродливой раздражительности и нашей слабости. Какъ обыкновенно слышать до пошлости избитый парадоксъ, что для пониманія прекраснаго нужна извѣстная подготовка! Кто это сказать, почему, чѣмъ это доказано? Это только изворотъ, лазейка изъ безвыходнаго положенія, въ которое привела насъ ложность направленія, исключительная принадлежность одному классу нашего искусства. Почему красота солнца, красота человѣческаго лица, красота звуковъ народной пѣсни, красота поступка любви и самоотверженія доступны всякому и не требуетъ подготовки?

Я знаю, что для большинства все сказанное покажется болтовней, правомъ языка безъ костей, но педагогія—свободная педагогія—путемъ опыта разъясняетъ многіе вопросы и безчисленнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же явленій переводитъ вопросы изъ области мечтаній и разсужденій въ область положеній, доказанныхъ фактами. Я годами бился тщетно надъ передачей ученикамъ поэтическихъ красотъ Пушкина и всей нашей литературы, то же самое дѣлаетъ безчисленное количество учителей, и не въ одной Россіи, и ежели учителя эти наблюдаютъ надъ результатами своихъ усилій и ежели захотятъ они быть откровенными, всѣ признаются, что главнымъ слѣдствіемъ развитія поэтическаго чувства было убіеніе его, что наибольшее отвращеніе къ такимъ толкованіямъ показывали самыя поэтическія натуры... Я бился, говорю, годами и ничегѣ не могъ достигнуть; стоило случайно открыть сборникъ Рыбникова—и поэтическое требованіе учениковъ нашло полное удовлетвореніе, и удовлетвореніе, которое, спокойно и безпристрастно сличивъ первую попавшуюся пѣсню съ лучшимъ произведеніемъ Пушкина, я не могъ не найти законнымъ. То же самое случилось со мной и въ отношеніи музыки, о которой и предстоитъ теперь говорить мнѣ.

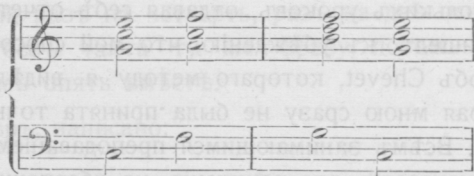
Попытаюсь резюмировать все сказанное выше. На вопросъ — нужны ли искусства (beaux arts) для народа? — педагоги обыкновенно робѣютъ и путаются (только Платонъ смѣло и отрицательно рѣшилъ этотъ вопросъ). Говорятъ: нужно, но съ извѣстными ограниченіями:

дать всѣмъ возможность быть художниками вредно для общественнаго устройства. Говорятъ, извѣстныя искусства и степень ихъ могутъ существовать только въ извѣстномъ классѣ общества: говорятъ, искусства должны имѣть своихъ исключительныхъ служителей, преданныхъ одному дѣлу; говорятъ, большія дарованія должны имѣть возможность выходить изъ среды народа и вполнѣ отдаваться служенію искусству. Эта самая большая уступка, которая дѣлаетъ педагогія праву каждаго быть, чѣмъ онъ хочетъ. На достиженіе этихъ цѣлей направлены всѣ заботы педагоговъ относительно искусствъ. Я считаю все это несправедливымъ. Я полагаю, что потребность наслажденія искусствомъ и служеніе искусству лежатъ въ каждой человѣческой личности, къ какой бы породѣ и средѣ она не принадлежала, и что эта потребность имѣетъ права и должна быть удовлетворена. Принимая это положеніе за аксіому, я говорю, что если представляются неудобства и несоотвѣтственности въ наслажденіи искусствомъ и воспроизведеніи его для каждаго, то причина этихъ неудобствъ лежитъ не въ способѣ передачи, не въ распространеніи или сосредоточеніи искусства между многими или нѣкоторыми, но въ характерѣ и направленіи искусства, въ которомъ мы должны сомнѣваться какъ для того, чтобы не навязывать ложнаго молодому поколѣнію, такъ и для того, чтобы дать возможность этому молодому поколѣнію вырабатывать новое какъ по формѣ, такъ и по содержанію.

Мы шли прошлымъ лѣтомъ съ купанья. Всѣмъ намъ было очень весело. Крестьянскій мальчикъ, тотъ самый, который былъ соблазненъ на воровство книжекъ дворовымъ мальчикомъ, толстоскулый, коренастый мальчикъ, весь облитый веснушками, съ кривыми внутрь загнутыми ножонками, со всѣми пріемами взрослого степеннаго мужика, но умная, сильная и даровитая натура, пробѣжалъ впередъ и сѣлъ въ телѣгу, ѣхавшую передъ нами. Онъ взялъ возжи, сбиль шляпу на бокъ, сплюнулъ на сторону и запѣлъ какую-то протяжную мужицкую пѣсню, да какъ запѣлъ! съ чувствомъ, съ роздыхомъ, съ подкрикиваніемъ. Ребята засмѣялись: «Семка-то, Семка-то какъ играетъ ловко». Семка былъ совершенно серьезень: «ну ты, не перебивай пѣсни», особеннымъ, нарочно хриплымъ голосомъ сказалъ онъ въ промежуткѣ и совершенно серьезно и степенно продолжалъ пѣть. Два самыхъ музыкальныхъ мальчика подсѣли въ телѣгу, начали подлаживать и подладили. Одинъ ладилъ то въ октаву, то въ сексту другой въ терцію, и вышло отлично. Потомъ пристали другіе мальчики, стали пѣть, «Какъ подъ яблоней такой», стали кричать, и вышло шумно, но не хорошо. Съ этого же вечера началось пѣніе; теперь послѣ 8 мѣсяцевъ мы поемъ «Ангель вопіаше» и двѣ херувимскія—4 и 7 №№, всю обыкновенную обѣдную и маленькія хоровыя

пѣсни. Лучшіе ученики (только два) записываютъ мелодіи пѣсенъ, которыя они знаютъ, и почти читаютъ ноты. Но до сихъ поръ еще все, что они поютъ, далеко не такъ хорошо, какъ хороша была ихъ пѣсня, когда мы шли съ купанья. Я говорю все это не съ какою-нибудь заднею мыслью, не для того, чтобы доказать что-нибудь, но я говорю, что есть. Теперь же расскажу, какъ шло преподаваніе, которымъ, сравнительно, я доволеъ.

Въ первый урокъ я раздѣлилъ всѣхъ на три голоса, и мы спѣли слѣдующіе аккорды:



Намъ удалось это очень скоро. И каждый пѣлъ, что онъ хотѣлъ, пробовалъ дискантъ и переходилъ въ тенора, а изъ тенора въ альтъ,—такъ что лучшіе узнали весь аккордъ—до-ми-соль, нѣкоторые и всѣ три. Выговаривали они слова французскихъ названій нотъ. Одинъ пѣлъ ми-фа-фа-ми, другой—до-ре-ре-до и т. д. «Ишь ты какъ складно, Л. Н.,—говорили они,—даже въ ухѣ задрюжатъ. Ну, еще, еще»... Мы пѣли эти аккорды и въ школѣ, и на дворѣ, и въ саду, и по дорогѣ домой до поздней ночи и не могли оторваться и нарадоваться на свой успѣхъ.

На другой день мы попробовали гамму, и талантливейшіе прошли ее всю, худшіе едва могли пройти до терціи. Я писалъ ноты на линейкѣ въ альтовомъ ключѣ, самомъ симметрическомъ, и называлъ ихъ по-французски. Слѣдующіе уроковъ шесть шли такъ же весело; мы спѣли еще новые аккорды минорные и переходы, въ мажорные—Господи помилуй, Слава Отцу и Сыну и пѣсенку въ три голоса съ фортепіанами. Одна половина урока была занята этимъ, другая—пѣніемъ гаммы и упражненій, которыя выдумывали сами ученики: «до-ми-ре-фа-ми-соль», или «до-ре-ми-фа», или до-ми-ре-до-ре-фа-ми-ре» и т. д.

Весьма скоро я замѣтилъ, что ноты на линейкахъ не наглядны, и нашелъ нужнымъ замѣнить ихъ цифрами. Кромѣ того, для объясненія интерваловъ и измѣняемости тоники цифры представляютъ болѣе удобствъ. Черезъ шесть уроковъ нѣкоторые уже брали по заказу, какія я спрашивалъ, интервалы добираясь до нихъ по воображаемой гаммѣ. Особенно нравилось упражненіе квартами,—до-фа-ре-соль и т. д. внизъ и вверхъ. Фа (унтеръ-доминанта) особенно поразало всѣхъ своею силой.

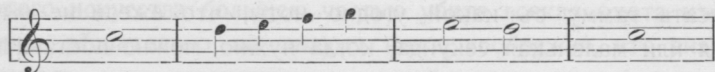
«Экой здоровенный этой фа,—говорилъ Семка—такъ и рѣзнетъ».

Немузыкальныя натуры всѣ отстали, а съ музыкальными классы наши затягивались по три и по четыре часа. О тактѣ я пробовалъ дать понятіе по принятой методѣ, но дѣло оказалось до того труднымъ, что я принужденъ былъ отдѣлить тактъ отъ мелодіи и, написавъ звуки безъ такта, разбирать ихъ и потомъ, написавъ тактъ, т. е. размѣры безъ звуковъ, стучаньемъ разбирать одинъ тактъ и потомъ уже соединять оба процесса вмѣстѣ.

Послѣ нѣсколькихъ уроковъ, отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что я дѣлалъ, я пришелъ къ убѣжденію, что мой способъ преподаванія есть почти способъ Chevet, котораго методу я видѣлъ на дѣлѣ въ Парижѣ и которая мною сразу не была принята тольکو потому, что эта была метода. Всѣмъ занимающимся преподаваніемъ пѣнія нельзя достаточно рекомендовать это сочиненіе, на оберточномъ листкѣ котораго написано большими буквами *Repoussé à l'unanimité* и теперь расходящееся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ по всей Европѣ. Я видѣлъ въ Парижѣ поразительные примѣры успѣшности этой методы при преподаваніи самого Chevet: аудиторіи въ 500—600 человекъ мужчинъ и женщинъ, иногда въ 40—50 лѣтъ, поющихъ въ одинъ голосъ à livre ouvert все, что имъ откроетъ учитель. Въ методѣ Chevet есть много правилъ, упражненій, предписанныхъ приѣмовъ, которые не имѣютъ никакого значенія и которые каждый умный учитель выдумаетъ сотни и тысячи на полѣ сраженія, т. е. во время класса; тамъ есть весьма комическая, можетъ быть, и удобная манера читать такъ, безъ звуковъ, на примѣръ въ четыре четверти ученикъ говоритъ та-фа-те-фе, въ $\frac{3}{4}$ ученикъ говоритъ та-те-ти, въ $\frac{8}{8}$ —та-фа-те-фе-те-ре-ли-ри. Все это интересно какъ одинъ изъ способовъ, посредствомъ котораго можно учить музыкѣ,—интересно, какъ исторія извѣстной музыкальной школы, но правила эти не абсолютны и не могутъ составить методу. Въ этомъ-то всегда и состоитъ источникъ ошибокъ методъ. Но у Chevet есть замѣчательныя по своей простотѣ мысли, изъ которыхъ три составляютъ сущность его методы: первая, хотя и старая, еще вырожденная Ж.-Ж. Руссо въ своемъ *Dictionnaire de musique*, мысль выраженія музыкальныхъ знаковъ цифрами. Что бы ни говорили противники этого способа писанія, каждый учитель пѣнія можетъ сдѣлать этотъ опытъ и всегда убѣдиться въ огромномъ преимуществѣ цифръ передъ линейками какъ при чтеніи такъ и при писаніи. Я училъ по линейкамъ уроковъ 10 и одинъ разъ только показалъ по цифрамъ, сказавъ, что это одно и то же, и ученики всегда просятъ писать цифрами и всегда сами пишутъ цифрами. Вторая замѣчательная мысль, исключительно принадлежащая Chevet, состоитъ

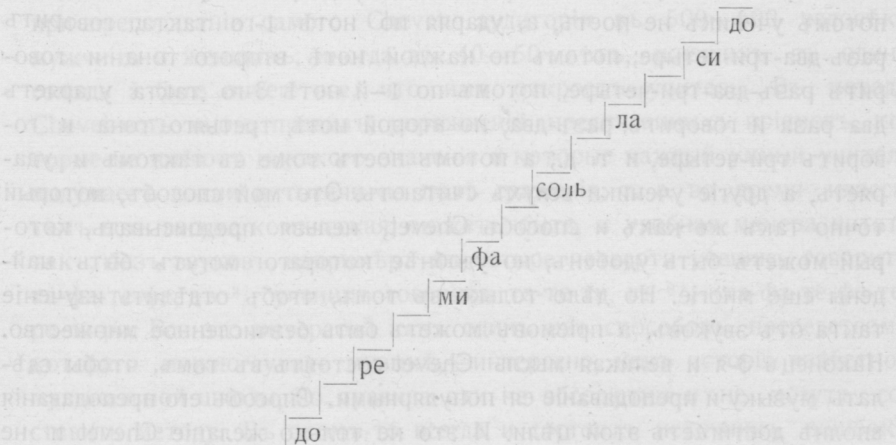
въ томъ, чтобъ учить звукамъ отдѣльно отъ такта и наоборотъ. Приложивъ хоть разъ эту методу для обученія, всякій увидитъ, что то, что представлялось неодолимою трудностью, вдругъ становится такъ легко, что только удивляешься, какъ прежде никому не пришла такая простая мысль. Отъ сколькихъ бы мученій избавились несчастныя дѣти, выучивающія въ архіерейскихъ пѣвчихъ и другихъ хорахъ «Да исправится» и т. п., ежели бы регенты попробовали эту простую вещь—заставить учащагося, ничего не поя, простукать палочкой или пальцемъ по той фразѣ нотъ, которую онъ долженъ пѣть: четыре раза по цѣлой, разъ на четверть, разъ на двѣ осьмыхъ и т. д., потомъ спѣть безъ такта ту же фразу, потомъ опять спѣть одинъ тактъ и потомъ опять вмѣстѣ.

Напримѣръ, написано:



Ученикъ сперва поетъ (безъ такта) до-ре--ми-фа-соль-ми-ре-до потомъ ученикъ не поетъ, а, ударяя по нотѣ 1-го такта, говоритъ разъ-два-три-четыре; потомъ по каждой нотѣ второго тона и говоритъ разъ-два-три-четыре, потомъ по 1-й нотѣ 3-го такта ударяетъ два раза и говоритъ: разъ-два, по второй нотѣ третьяго тона и говоритъ три-четыре, и т. д.; а потомъ поетъ тоже съ тактомъ и ударяетъ, а другіе ученики вслухъ считаютъ. Это мой способъ, который точно такъ же какъ и способъ Chevet, нельзя предписывать, который можетъ быть удобенъ, но удобнѣе котораго могутъ быть найдены еще многіе. Но дѣло только въ томъ, чтобъ отдѣлить изученіе такта отъ звуковъ, а приѣмовъ можетъ быть безчисленное множество. Наконецъ 3-я и великая мысль Chevet состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать музыку и преподаваніе ея популярными. Способъ его преподаванія вполне достигаетъ этой цѣли. И это не только желаніе Chevet и не только мое предположеніе, но это фактъ. Я видѣлъ въ Парижѣ сотни работниковъ съ мозолистыми руками, сидящихъ на скамьяхъ, подъ которыми положенъ инструментъ, съ которымъ работникъ шелъ изъ мастерской, поющихъ по нотамъ, понимающихъ и интересующихся законами музыки. Глядя на этихъ рабочихъ, мнѣ легко было представить себѣ на ихъ мѣстѣ русскихъ мужиковъ, только говори Chevet по-русски: они такъ же и пѣли бы, такъ же и понимали бы все, что онъ говорилъ объ общихъ правилахъ и законахъ музыки. Мы еще надѣемся поговорить подробнѣе о Chevet и преимущественно о значеніи популяризованной музыки, особенно пѣнія, для возбужденія падающаго искусства.

Перехожу къ описанію хода преподаванія въ нашей школѣ. Послѣ 6 уроковъ козлища отобрались отъ овецъ, остались однѣ музыкальныя натуры—охотники, и мы перешли къ минорнымъ гаммамъ и къ объясненію интерваловъ. Трудность состояла только въ томъ, чтобы найти и отличить малую секунду отъ большей. *Фа* уже былъ прозванъ здоровеннымъ, *до* оказался такимъ же крикуномъ, и потому мнѣ не нужно было учить: они сами чувствовали ту ноту, въ которую разрѣшалась малая секунда, поэтому чувствовали и самую секунду. Мы нашли легко сами, что мажорная гамма состоитъ изъ послѣдовательности 2 большихъ, 1 малой, 3 большихъ и 1 малой секунды; потомъ мы спѣли «Слава Отцу» въ минорномъ тонѣ и добрались по чутью до гаммы, которая оказалась минорною, потомъ въ гаммѣ этой нашли 1 большую, 1 малую, 2 большихъ, 1 малую, 1 очень большую и 1 малую. Потомъ я показалъ, что можно спѣть и написать гамму съ какой угодно ноты, что ежели не выходитъ большая или маленькая секунда, когда нужно, можно поставить дѣзъ и бемоль. Для удобства я написалъ имъ хроматическую лѣстницу такого рода:



По этой лѣстницѣ я заставлялъ писать всѣ возможные мажорныя и минорныя гаммы, начиная съ какой хотѣли ноты. Эти упражненія занимали ихъ чрезвычайно, и успѣхи были до того поразительны, что двое часто между классами забавлялись писаніемъ мелодій пѣсенъ, которыя они знали. Эти ученики часто мурлычатъ мотивы какихъ-то пѣсенъ, которыхъ они назвать не умѣютъ, и мурлычатъ тонко и нѣжно и, главное, лучше вторятъ и ужъ не любятъ, когда много вмѣстѣ нескладно кричатъ пѣсню.

Всѣхъ уроковъ едва ли было 12 во всю зиму. Преподаваніе наше испортило тщеславіе. Родители, мы, учителя, и сами ученики захотѣли

удивить всю деревню — пѣть въ церкви: мы стали готовить обѣдню и херувимскія Бортнянскаго. Казалось, это было бы веселѣе дѣтямъ, но вышло наоборотъ. Несмотря на то, что желаніе ѣхать на клиросъ поддерживало ихъ и что они любили музыку и что мы, учителя, налегали на этотъ предметъ и дѣлали его принудительнѣе другихъ, мнѣ часто жалко было смотрѣть на нихъ, какъ какой-нибудь крошка Кирюшка въ оборванныхъ онученкахъ выдѣлывалъ свою партію «тайно образу-у-у-у-у-ю-ю-ще», и его по 10 разъ заставляли повторять, и онъ наконецъ выходилъ изъ себя и, стуча пальцами по нотамъ, спорилъ, что онъ поетъ такъ точно. Мы съѣздили разъ въ церковь и имѣли успѣхъ; восторгъ былъ огромный, но пѣніе пострадало: стали скучать на урокахъ, отлынивать, и къ Пасхѣ только съ большими усилиями вновь былъ собранъ хоръ. Наши пѣвчіе стали похожи на архіерейскихъ, которые поютъ часто хорошо, но у которыхъ вслѣдствіе этого искусства большею частью убита всякая охота къ пѣнію и которые рѣшительно не знаютъ нотъ, воображая, что знаютъ. Я часто видалъ, какъ выходящіе изъ такой школы сами берутся учить, не имѣя понятія о нотахъ, и оказываются совершенно несостоятельными, какъ только начинаютъ пѣть то, чего имъ еще не кричали въ ухо.

Изъ того небольшого опыта, который я имѣлъ въ преподаваніи музыки народу, я убѣдился въ слѣдующемъ:

1) что способъ писанія звуковъ цифрами есть самый удобный способъ;

2) что преподаваніе такта отдѣльно отъ звуковъ есть самый удобный способъ;

3) что для того, чтобы преподаваніе музыки оставило слѣды и воспринималось охотно, необходимо учить съ перваго начала искусству, а не умѣни пѣть или играть. Барышень можно учить играть экзерсисы Бургмюллера, но народныхъ дѣтей лучше не учить вовсе, чѣмъ учить механически;

4) что ничто такъ не вредно въ преподаваніи музыки, какъ то, что похоже на знаніе музыки — исполненіе хоровъ на экзаменахъ, актахъ и въ церквахъ;

5) что цѣль преподаванія музыки народу должна состоять только въ томъ, чтобы передать ему тѣ знанія объ общихъ законахъ музыки, которыя мы имѣемъ, но отнюдь не въ передачѣ ему того ложнаго вкуса, который развитъ въ насъ.

25 лѣтъ служенія школъ.

20 сентября текущаго года исполнилось ровно 25 лѣтъ, какъ Иванъ Петровичъ Духавинъ посвятилъ себя регентско-педагогической дѣятельности. Первые восемнадцать лѣтъ его неутомимаго труда прошли въ учебныхъ заведеніяхъ г. Тамбова, главнымъ образомъ въ Екатерининскомъ Учительскомъ Институтѣ. Въ настоящее же время (съ 26 сент. 1904 года) онъ исполняетъ обязанности регента въ Исаакіевскомъ соборѣ и, кромѣ того, состоитъ преподавателемъ пѣнія въ классическихъ гимназіяхъ 5-ой, 6-ой, въ гимназії при Императорскомъ Историко-Филологическомъ Институтѣ и въ женскихъ институтахъ—Елизаветинскомъ и Патриотическомъ.

Въ настоящій моментъ лучшія чувства признательности заставляютъ высказаться вслухъ, и, въ интересахъ справедливости, вынести на свѣтъ Божій достоинства и качества личности учителя—друга, которыя скрываются подъ покровомъ скромности и безызвѣстности.

Уже давно миновали Институтскіе годы, но воспоминанія о свѣтлой юности остались самыми милыми, и до сей поры. Они неразрывно связаны съ именемъ глубокоуважаемаго труженика—юбилера И. П. Духавина.

Его гуманныя отношенія, его просвѣщенныя заботы о нашихъ нуждахъ въ знаніи родной музыкальной литературы, его отеческая попечительность, были всегда для насъ, питомцевъ Института, яркой путеводной звѣздой. Какъ педагогъ, Иванъ Петровичъ, отличался отзывчивостью, постоянною добротою и всегда былъ готовъ считаться съ нашими нуждами и невольными ошибками.

Чувства живой благодарности невольно заставляютъ пожелать рѣдкому педагогу самаго добраго здоровья, счастья, силъ и благопріятныхъ обстоятельствъ для дальнѣйшаго служенія на пользу нашей школы.

Въ благодарномъ сердцѣ каждаго изъ насъ живы и будутъ вѣчно бодрствовать тѣ чувства глубокой признательности и симпатіи, которыя въ насъ столь щедро заронилъ дорогой учитель—другъ.

В. Ельчинъ.

XXV.

Московское Синодальное Училище церковнаго пѣнія проситъ бывшихъ питомцевъ Училища пожаловать на празднованіе XXV-лѣтняго юбилея духовно—музыкальной дѣятельности Училища.

Программа юбилейнаго празднованія.

5-го ноября. 11 час. утра.

Молебень. Актъ. Кантата, соч. А. Д. Кастальскаго. Гимнъ.

6-го ноября, 8 час. вечера.

Духовный концертъ изъ сочиненій бывшихъ воспитанниковъ
Училища.

Отчетъ по Обществу Взаимопомощи регентовъ церковныхъ хоровъ за 1910 г.

(Окончаніе).

Обращаясь въ сторону *тѣхъ отношеній*, какія наблюдались у нѣкоторыхъ г. г. членовъ къ своимъ обязанностямъ и къ интересамъ О-ва, приходится отмѣтить нѣчто печальное и, во всякомъ случаѣ, нежелательное на будущее время. Взять, напр., хотя бы вопросъ о времени возобновленія членскаго взноса. Въ маѣ мѣсяцѣ потребовалось разослать свыше 200 экз. особыхъ напоминаній объ этихъ взносахъ, что вызвало расходъ: на марки (6 р.) и на переписчика адресовъ (2 р.).

Всякій согласится, что подобные расходы являются совершенно излишнимъ бременемъ для общественныхъ средствъ. Да и самая разсылка напоминаній есть столь же лишнее затрудненіе въ работѣ секретаря и казначея. Точно также приходится отмѣтить и другой фактъ того же порядка. Многие члены, адреса которыхъ были записаны еще 1907 г. или 1908 г., перемѣнивъ мѣсто жительства или квартиры въ городѣ, не имѣютъ обыкновенія увѣдомлять объ этихъ перемѣнахъ секретаря правленія. Вслѣдствіе чего алфавитная книга,—можно думать,—является въ значительной степени не точной въ своихъ записяхъ. Это весьма затрудняетъ и сношеніе съ членами по дѣламъ О-ва, и всякое дѣлопроизводство. Обращеніе къ членамъ О-ва возобновить свои адреса, сдѣланное чрезъ журналъ «Реген. и Хор. Д.», имѣло своимъ послѣдствіемъ отвѣтныя письма всего отъ 3—4 членовъ. Означаетъ ли это, что остальные члены живутъ по старымъ адресамъ, или иное что нибудь,—сказать ничего нельзя.

Въ отчетномъ году имѣли мѣсто также два случая, заслуживающихъ быть особенно отмѣченными. 1) Письмо «одного изъ членовъ Общества», помѣщенное въ августовскомъ выпускѣ журнала „Музыка и Жизнь“. Въ письмѣ этомъ, полномъ сарказма и желчи, говорится о безпорядочности въ дѣлахъ Об-

щества, объ отсутствіи отчетовъ по Обществу и Курсамъ; члены правленія названы „великими мужами“ въ кавычкахъ и т. п. Правленіе огнюдь не противъ открытаго разбора его дѣятельности, но желаетъ при этомъ, чтобы г.г. критики выступали съ провѣренными и точными данными, а не говорили бы, какъ въ разбираемомъ случаѣ, о несуществованіи отчетовъ, когда по курсамъ 1909 г. отчетъ былъ давно напечатанъ, а отчетъ по Обществу былъ на собраніи заслушанъ и только возвращенъ въ ревизіонную комиссію, которая не успѣла его провѣрить или не сообщали бы совершенно невѣрныхъ цифровыхъ данныхъ, какъ напр., въ данномъ случаѣ по вопросу о размѣрѣ выданныхъ въ 1909 г. пособій. Желательно наконецъ, что бы и уставъ членами Общества, выступающими въ печати, былъ надлежаще изученъ, дабы не дѣлать правленію упрековъ въ невыдачѣ пособій, которыхъ выдавать оно и не имѣло еще права.

2) Второй случай: принесеніе регентомъ П. М. Петраковымъ г. Московскому Градоначальнику жалобы на дѣйствія правленія О-ва съ указаніемъ такихъ со стороны Правленія проступковъ, какихъ на самомъ дѣлѣ не было. Такъ напр. проситель жаловался на непредоставленіе ему ни одного мѣста въ теченіи 2 лѣтъ, тогда когда онъ былъ рекомендованъ Бюро *въ два мѣста* (которыхъ, правда, не получилъ, но не по винѣ Правленія или Бюро). Проситель увѣрялъ г. Градоначальника, что его документы Правленіе затеряло, и поэтому не высылаетъ ихъ ему, тогда какъ эти документы находились при дѣлахъ Общества, между тѣмъ какъ просьбы о возвращеніи ихъ просителю нѣтъ и не было. Довѣріе, оказанное члену Общества фактомъ избранія его въ Правленіе, дѣлается *мукой* при наличности такихъ несправедливыхъ и опрометчивыхъ нападокъ.

Поэтому Правленіе просить г.г. членовъ обратить вниманіе на описанные случаи и постараться оградить своихъ избранниковъ отъ незаслуженныхъ упрековъ, могущихъ дать во первыхъ совершенно превратное понятіе о состояніи дѣлъ Общества, и во вторыхъ навести администрацію на мысль о необходимости въ ревизіи или даже о закрытіи Общества, въ виду яко-бы безпорядочности его дѣлъ.

Общія собранія.

Въ отчетномъ году общее собраніе состоялось *два раза*, а именно 20 и 22 іюля; первое—подъ предсѣдательствомъ П. Г. Чеснокова, второе—А. В. Платонина.

На первомъ засѣданіи:

1. Заслушанъ отчетъ о дѣятельности Общества за 1909 г. Постановлено просить ревизіонную комиссію сдѣлать краткій отчетъ о денежных суммахъ (см. второе засѣданіе).

2. Постановлено благодарить Л. С. Васильева за безвозмездное завѣдываніе бюро по присканію мѣстъ.

3. За истеченіемъ срока выбываютъ изъ состава Правленія члены: гг. Архангельскій, А. П. и Соколовъ, Г. А., и на основаніи примѣч. къ § 22 Устава Общества, Н. Р. Кочетовъ, А. П. Архангельскій и Г. А. Соколовъ переизбраны на новое трехлѣтіе; вмѣсто г. Кочетова—избранъ П. Г. Чесноковъ.

4. Заслушанъ краткій денежный отчетъ о Регентско-Учительскихъ курсахъ, бывшихъ съ 10 іюля по 18 іюля 1910 года. Постановлено дефицитъ Курсовъ въ *двѣсти пятьдесятъ рублей* покрыть изъ суммъ Общества. На будущее время, для избѣжанія подобнаго дефицита, предложено Правленію требовать—отъ дѣлающихъ заявленіе о приѣмѣ на курсахъ—обязательнаго внесенія при таковомъ заявленіи $\frac{1}{3}$ платы, установленной за слушаніе курсовъ.

5. Общее собраніе выразило свою благодарность Правленію за труды, понесенные на пользу Общества.

На *второмъ* засѣданіи:

1. По запросу А. В. Никольскаго—какъ поступить съ 50 рублями, данными комиссіей на организацию III съѣзда—постановлено: деньги оставить въ распоряженіи комитета (избраннаго III съѣздомъ).

2. Выслушано объясненіе члена ревизіонной комиссіи, г. Буренкова, заявившаго, что комиссія провѣряла книги Общества за время отъ 15 ноября 1909 г. по 15 іюля 1910 г.

3. Избраны: въ члены ревизіонной комиссіи В. С. Котловъ, А. В. Платонинъ и К. К. Буренковъ и гг. В. М. Златницинъ и Н. И. Дмитріевъ кандидатами къ нимъ. Поручено комиссіи сдѣлать ревизію денежных суммъ по Бюро за три года, по Обществу за 1909 г. и по курсамъ за 2 года.

Дорожные расходы иногородняго члена Комиссіи, г. Платонина, принять на средства Общества.

4. Избраннымъ членамъ комиссіи, совмѣстно съ Правленіемъ, обсудить вопросъ объ измѣненіи порядка дѣйствій Бюро

5. Заслушано заявленіе члена Общества М. М. Алексѣева что онъ, лишившись мѣста, очень нуждается. Заявленіе подтверждено членомъ Общества, В. К. Зиновьевымъ, регентомъ Раненбургскаго соборнаго хора. Постановлено: выдать г. Алексѣеву 30 рублей по возможности съ возвращеніемъ ихъ.

Дѣятельность Правленія.

Въ отчетномъ году Правленіе имѣло 8 пленарныхъ засѣданій и 4 частныхъ совѣщаній (за отсутствіемъ кворума).

1. Обсужденіе вопроса о курсахъ въ 1910 г., избраніе гг. лекторовъ а также и завѣдующихъ—учебной частью—А. В. Никольскаго, хозяйственной—И. О. Горина.

2. О печатаніи трудовъ 2 съѣзда. Редакція поручена г. А. Л. Маслову, печатать рѣшено 500 экз. in extenso, при цѣнѣ отд. экз. не дороже 25 к. На изданіе ассигновано 100 р. Выдано 30 р. на производство анкеты по программѣ II съѣзда.

3. О созывѣ III съѣзда, о времени и помѣщеніи для него, о расходахъ до 100 р. о размѣрѣ взноса за участіе въ немъ съ членовъ О-ва 1 р. съ не членовъ 2 р.

Примѣчаніе: Засѣданія 2 и 3-е были совмѣстными правленія и исполн. К-сіи II съѣзда (послѣднія на точномъ основаніи § 33 Уст. О-ва).

Присуждено пособіе члену О-ва В. Г. Крючкову 25 р. рѣшено разослать напominаніе о взносовъ членскихъ денегъ за 1909 и 1910 г.

4. Произведены выборы должностныхъ лицъ правленія. Разсмотрѣны составленные секретаремъ отчеты по О-ву за 1909 г. по курсамъ за 1909 г.—1910 г., по Бюро за 1907—1910 г. и по съѣздамъ I, II и III.

5. Переизбраніе должностныхъ лицъ. Избраніе Г. А. Соколова завѣдующимъ бюро на 1910—11 гг.

Принята ассигновка въ 25 р. на приведеніе въ порядокъ и систему данныхъ анкеты, предпринятой О-мъ въ 1908 г. рѣшено отпечатать и разослать въ провинціи города особые плакаты О-ва.

Разсмотрѣніе отзыва на жалобу г-на П. М. Петракова. Вопросъ о времени созыва общаго собранія. Редактированіе правилъ о выдачѣ пособій, для представленія общему собранію. Отказъ священника Д. В. Аллеманова отъ обязанностей члена П-нія.

7. Вопросъ о курсахъ лѣтомъ 1911 г.

8. Вопросъ о Бюро и о мѣрахъ къ оживленію его дѣятельности. Проектъ устройства духовнаго концерта въ пользу О-ва Частныхъ совѣщанія имѣли своимъ предметомъ вопросы о созывѣ III съѣзда и о курсахъ лѣтомъ 1911 г.

Составъ Правленія.

Предсѣдатель Гергій Митрофановичъ Турскій.

Товарищъ Предсѣд. Александръ Павловичъ Архангельскій.

Секретарь Александръ Васильевичъ Никольскій.

Казначей Иванъ Ѳедоровичъ Горинъ.

Члены: Завѣдующій Бюро О-ва Георгій Афанасьевичъ Соколовъ. Павелъ Григорьевичъ Чесноковъ. Леонидъ Сергѣевичъ Васильевъ. Священникъ Дмитрій Васильевичъ Аллемановъ (вышелъ 21 ноября).

Почетные члены.

Прокуроръ Московской Синодальной Конторы, камергеръ двора Е. И. В. д. ст. с. Филиппъ Петровичъ Степановъ.

Архимандритъ Борисъ.

Священникъ Дмитрій Васильевичъ Аллемановъ.

Александръ Васильевичъ Никольскій.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Къ **XXV** лѣтію Московскаго Синодальнаго Училища. — Портреты директоровъ Синодальнаго Училища, снимокъ фасада. — **Л. Н. Толстой** — учитель пѣнія. — **Ельчинъ, В.** 25 лѣтъ служенія школѣ. **XXV.** Программа юбилейнаго празднованія. — Отчетъ по Обществу Взаимопомощи регентовъ церковныхъ хоровъ за 1910 г. — Оъявленія.

Редакторъ-Издатель **П. А. Петровъ.**

О П Е Ч А Т К И.

Просимъ исправить опечатки въ № 9 за сентябрь: стр. 189, въ ст. „Одинъ изъ „больныхъ“ вопросовъ церковнаго пѣнія“ — въ 7 строкѣ сверху передъ словами „къ искаженію указаннаго значенія“ — слѣдуетъ читать: „съ другой стороны, къ искаженію“ и т. д.

Въ той-же статьѣ, стр. 191, строка 17 снизу напечатано: „забытія“ — слѣдуетъ читать: — „обычая“.

Въ „отчетѣ“ на стр., 206-й строка 13 сверху напечатано: „обсудимомъ“ а слѣдуетъ читать: „ощутимомъ“.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Поступило въ продажу 3-е изданіе
Климовъ, М. Первоначальное сольфеджіо.

**Интервалы и простѣйшіе виды ритма
въ гаммѣ До мажорь.**

ПРИНЯТЬ ВЪ КАЧЕСТВѢ УЧЕБНИКА ВЪ КЛАССАХЪ СПБ. КОНСЕРВАТОРИИ
И ПРИДВОРНОЙ ПѢВЧЕСКОЙ КАПЕЛЛЫ.

Цѣна 35 коп., нолж. плат. 45 коп.

Сыладъ изданія С.-Петербургъ, Мойна 20, нв. 15.

Опытный регентъ

музыкально образованный,

ищетъ мѣсто.

Адресъ: Дружковка, Екатериносл. губ. Дружковскій

Заводъ, Сергѣю Максимовичу Козьменко.



НОВОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА
„Хоровое и Регентское Дѣло“
НИКОЛЬСКИЙ, А.

Op. 31.

ЛИТУРГІЯ
СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА
для смѣшаннаго хора.

- | | |
|---|--|
| 1. Ектенія великая. | 8. Херувимская пѣснь. |
| 2. Благослови душе моя
Господа. | 9. Ектенія просит. Отца
и Сына. |
| 3. Слава и ныне. Едино-
родный Сыне. | 10. Символь вѣры. |
| 4. Блаженны. | 11. Милость мира. |
| 5. Приидите поклонимся. | 12. Достойно есть. Ектенія. |
| 6. Господи спаси благоче-
стивыя. Трисвятое. | 13. Молитва Господня. |
| 7. Ектеніи послѣ Еван-
гелія. | 14. Причастень — Хвалите
Господа съ небесъ. |
| | 15. а—г. По явленіи св.
даровъ. |

Только въ партитурахъ, цѣна 1 руб. 50 коп.

Для выписывающихъ изъ Редакціи журнала—
пересылка бесплатно. Для подписчиковъ жур-
нала—цѣна 1 р. 30 к. съ пересылкою наложен-
нымъ платежомъ—для всѣхъ дороже на 25 коп.

Адресъ редакціи СПБ. Мойка 20, кв. 3-4.

1910—11 учебный годъ.

РЕГЕНТСКОЕ УЧИЛИЩЕ

учр. С. В. СМОЛЕНСКИМЪ.

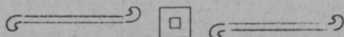
С.-Петербургъ, Мытнинская ул. д. № 5, кв. 1.

Занятія проиходятъ по вечерамъ отъ 4 ч.



Изданія Регентскаго Училища:

1. Преображенскій, А. Очеркъ исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи. Изд. 2-е — Ц. 60 коп.
2. Новинъ, Н. Пѣніе въ школѣ. Опытъ руководства по методикѣ преподаванія. — Ц. 60 коп.
3. Новинъ, Н. Обычный распѣвъ. Вып. I. Напѣвы на „Господи воззвахъ“. — Ц. 60 коп.
4. Пѣвческая Христоматія. Вып. I. Гармонизація напѣвовъ на „Господи воззвахъ“. — Ц. 60 коп.
5. Два шестиголосныхъ хора В. Титова. Государева пѣвчаго дьяка конца XVII вѣка. I. Благослови душе моя Господа. (Преднач. псал.). II. Большое Многолѣтіе. (Партитура). Ц. 20 коп. Налож. плат. 41 коп.



Программы училища высылаются за 4 семикоп. марки

Корреспонденцію просятъ адресовать:

СПБ., Мойка, 20, кв. 3. — П. А. Петрову.